

*Елена
Арсеньева*

ЛЮБОВЬ ВАЛИКИХ ЖЕНЩИН

*И звезды
любить умеют*

И звезды любить умеют

Елена Арсеньева

**Русская Мельпомена
(Екатерина Семенова)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Русская Мельпомена (Екатерина Семенова) / Е. А. Арсеньева —
«Автор», — (И звезды любить умеют)

ISBN 5-699-07298-5

Они были великими актрисами, примами, звездами. Однако эти женщины играли свои роли не только на сцене, но и в жизни. В этом их сила – и их слабость, счастье и великая беда. И все же... Прожить несколько жизней – чудесный дар, которым наделены лишь единицы: Вера Холодная, Айседора Дункан, Анна Павлова... Все они любили и были любимы... Об актрисах, их счастливой и несчастной, великой и мимолетной любви читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-07298-5

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Елена Арсеньева Русская Мельпомена (Екатерина Семенова)

В один из зимних дней 1807 года, в кулисах петербургского Большого Каменного театра, который был возведен архитектором Тома де Томоном и считался самым прекрасным в Европе (говорили, что ничего подобного нет даже среди двадцати театров Парижа, которыми столица Франции скорее загромождена, чем украшена!), – одним зимним, стало быть, вечером в кулисах этого театра царили обычная неразбериха и суета, предшествующие началу всякого спектакля, а тем паче – премьере. Готовились давать трагедию модного драматурга Владислава Озерова «Фингал».

Пьеса сия, поставленная в декорациях Гонзаго, в костюмах Оленина и сопровождаемая музыкой Козловского, написана была по мотивам «Песен Оссиана» – также чрезвычайно модных. Русские барышни из самых достаточных семейств, коим посчастливилось начитать Оссиана (барышням, а не семействам, ясное дело!), нарочно морили себя голодом, мечтая сделаться столь же сублильными и воздушными, как обитательницы царства Морвена...

Сегодня в зрительном зале яблоку, прямо скажем, негде было упасть: за билеты перекупщикам платили огромные деньги, за контрамарки давали взятки, превышающие даже стоимость билета у перекупщиков, на стоячих местах уже за час до начала представления народ напоминал селедок, напиханных в бочку вниз хвостами и вверх головами с наивысшей степенью плотности, галерка грозила обвалиться под тяжестью набившихся туда зрителей... Господа из репертуарного комитета (директор всех театров Нарышкин, затем «главный всех зрелищ режиссер» Дмитриевский, начальник репертуарной части и управляющий Петербургским театром князь Шаховской, известный пиит Крылов, ответственный за оформительскую часть Оленин, а также три высоких сановника – князь Гагарин, Мусин-Пушкин и Арсеньев) мотались меж зрительным залом и кулисами, зачем-то беспрестанно дергая себя за манжеты и манишки или за галстуки (ежели кто рабски следовал моде)... Словом, нервы у театрального Петербурга были взвинчены сверх всякой степени. Что же говорить об актерах!

В крохотных клетушках, расположенных по обе стороны узкого и длинного коридора (мужские уборные направо, женские – налево), в репетиционных залах, холодных, пыльных, пропахших «кислыми щами» и пуншиком, которыми торговали в актерском буфете, на лестничных площадках, в коридорчиках и закутках – во всех, словом, углах вне сцены и зрительного зала бродили люди, разряженные самым причудливым образом, и, бродя, что-то беспрестанно бормотали. Право, случайному наблюдателю могло показаться, что его занесло в пристанище умалишенных, ибо глаза у всех бродящих горели пламенем нездешним, речи были бессвязны, а жесты сумбурны. Однако случайных наблюдателей, не понимающих сути актерской зубрежки ролей и последних, судорожных отработок сцен, тут не было и быть не могло: бродили по театру только свои, либо занятые в спектакле, либо просто явившиеся изъяснить поддержку товарищам по служению музам (а то и гадость напоследок сказать, что тоже по-человечески понятно и очень обыкновенно – особенно среди людей творческих).

Среди этих взвинченных премьерою актеров была и красивая, синеглазая молодая особа в светлых, струящихся одеяниях и в гриме. Однако она не бормотала слова роли – память у этой девушки была великолепная, она любую роль могла заучить за двое суток и потом, спустя много лет, вспомнить ее без ошибки. Она также не бродила туда-сюда, а стояла в правой кулисе, в самом темном и пыльном ее закутке, забившись между разобранными декорациями к «Эдипу в Афинах» того же Озерова и «Сыну любви» Коцебу, и внимательно слушала звучный мужской голос, пылко произносивший:

– Все думают, что я погряз в пороке из жадности к нему.

Люди судят обыкновенно по наружности, и чувства самые невинные пороком представляют.

Кто видит, как мучительны дни для меня?

Мой дом пустыней кажется, и я не знаю, чем мне утешить ту змею, что грудь мою несчастную грызет!

Девушка чуть нахмурилась. Она знала этот голос – он принадлежал Алексею Яковлеву, герою-любовнику труппы, в которой состояла и она сама. Яковлев в нынешнем спектакле должен был играть заглавную роль. Обычно партнеры за долгие часы репетиций запоминают роли друг друга, вот и она, игравшая возлюбленную героя Моину, знала роль Фингала наизусть и могла бы поклясться чем угодно, что в трагедии Озерова ничего подобного нет: эти реплики не вложены ни в уста Фингала, ни в уста иного персонажа. Но с чего бы ради Алеша Яковлев за несколько минут до выхода на сцену вздумал зубрить роль из другой пьесы?

И тут она услышала еще один голос – женский: слабый, задыхающийся, переполненный слезами.

– Ну что ж я могу? Что я могу?.. – бессвязно твердила женщина, и слова эти тоже были из какой-то другой, незнакомой девушке, стоявшей в кулисе, пьесы, даром что голос ее был знаком и принадлежал актрисе Александре Дмитриевне Каратыгиной. А вслед за этими словами раздался мучительный, нетерпеливый стон, и всё стихло.

Та, что подслушивала, решила высунуться из-за кулисы, своего надежного укрытия, и увидела...

Нет, это были не реплики из неизвестного спектакля. С девушкой, притаившейся в кулисах, плохую шутку сыграла ее вжившаяся привычка во всем слышать сценическую речь. А между тем налицо было обыкновенное, прозаическое объяснение в любви... Нет, не обыкновенное, а очень даже поэтическое: пылкое, страстное, мучительное объяснение. А самозабвенный поцелуй, который за сим объяснением последовал, наводил на мысль о том, что сцена сия не раз репетировалась и вошла у ее исполнителей в приятную привычку.

– Госпожа Семенова! Катерина! Моина, дочь моя! – послышался невдалеке грозный голос Якова Шушерина, директора драматической труппы и в то же время актера, которому предстояло сегодня сыграть царя Старна – отца красавицы Моины, влюбленной в Фингала.

Девушка в кулисах содрогнулась. Это ведь она была – Катерина, госпожа Семенова, Моина... Вот сейчас докучливый папаша Старн сунется в укромный закуток, который она для себя облюбовала, обнаружит и выдаст ее. И эти двое тоже увидят ее и догадаются, что она шпионила за ними, а главное – поймут *почему!*

Нет! Никто не должен об этом знать! Тем более теперь, когда стало ясно, что...

Господи, как быть? Старн идет прямо к ней... Вот не повезло!

Отнюдь, повезло-таки: Яковлев и в обыденной жизни старался быть подобным своим героям, благородным любовникам, а потому немедленно выпустил из объятий ту, которую только что самозабвенно целовал, и вышел навстречу Шушерину, дабы отвлечь его внимание.

– Чего ты тут кричишь, Яшка? – спросил он тем приветливым, добродушным голосом, который составлял один из секретов его успеха на сцене и делал его всеобщим любимцем за кулисами. – Нету здесь никого, кроме меня. И Моины твоей тоже нету.

– Да где ж она? – свирепо осведомился Шушерин, который, очевидно, вполне вошел в роль бессердечного Старна. – Увы, Семенова пропала без следа! А между тем уже звонить готовы!

– Ничто! Успеем мы собраться вместе, – беспечно ответил Яковлев, моментально подлаживаясь под его речь и начиная изъясняться в том же возвышенном штиле, к которому

они привыкли в театре. – Еще ни разу, сколь я помню, Семенова на роль не опоздала. Не опоздает и сегодня, мню. Да вот она, гляди! Она, она, иль лгут мои мне очи?

– Не лгут, – буркнула Моина, успевшая на цыпочках обежать кулису с другой стороны и принять самый равнодушный вид. – Я здесь, отец мой. Что угодно вам?

Шушерин погрозил ей кулаком и, схватив за руку, потащил за собой.

Яковлев посмотрел им вслед, мгновение поколебался, а потом воротился за кулисы, справедливо рассудив, что Шушерин – известный торопыга: ранее чем через пять минут первый звонок не дадут, а спектаклюс, как всем известно, начинается лишь после третьего, так что он вполне успеет завершить начатое и доцеловаться с Сашенькой Каратыгиной, в которую Яковлев был давно, страстно и небезответно влюблен. Небезответно, однако совершенно безнадежно, потому что Сашенька состояла в законном браке с актером Андреем Каратыгиным, имела от него двоих детей и, при всей любви к Алексею Яковлеву, не находила в себе никаких сил решиться на публичный скандал и уйти от мужа. Что бы там ни говорили о распущенности и безнравственности актеров, но актриса Каратыгина была особа высоконравственная – по мере сил своих и возможностей, предоставляемых жизнью.

Между тем Моина была водворена Старном на свое место, потом промчался помощник режиссера, вызывая на выход актеров, занятых в первых сценах, потом прозвонил наконец колокольчик раз, другой и третий, грянула увертюра с грозной, нарастающей силой...

И занавес разошелся, открыв зрителям морской берег, множество народу в древнеирландских костюмах – и прекрасную Моину, стоящую на возвышении. А локлинский царь Старн отправился на сцену, чтобы сообщить зрителю, что Тоскар, сын его, был убит в бою царем Морвены Фингалом. Старн намерился коварно обольстить Фингала красотой своей дочери Моины, чтобы затем предательски убить его и отомстить за сына.

Первый акт шел своим чередом, и вот настала трогательная сцена объяснения Фингала и Моины. Моина в своих струящихся одеяниях казалась воплощением всего прекрасного, чего только может человек желать от женщины. Фингал – в крылатом шлеме, блистающий оружием – выглядел истинным героем. Всё – поступь, рука, сжимавшая кинжал, поворот головы – свидетельствовало: он привык повелевать людьми.

В это время в особой ложе для членов репертуарного комитета шел интересный разговор.

– Идол! – пробормотал князь Мусин-Пушкин, и мужчины, собравшиеся в ложе, враз сдержанно хихикнули при этом чудном каламбуре: Яковлев, идол, то есть кумир всех женщин, держался на сцене совершенно как вытесанный из дерева идол, то есть истукан.

– Что хотите со мной делайте – не люблю я Лешку! – продолжал Мусин-Пушкин. – Слышали, как он говорил накануне: не об чем тут хлопотать, нарядился-де в костюм, вышел на сцену, да и пошел себе возглашать, ни думая ни о чем. Ни хуже, ни лучше не будет, так же станут аплодировать, только не тебе, а стихам.

Оленин кивнул.

– Ладно вам! – отмахнулся Шаховской. – Зато каков клашавец!

Шаховской сильно картавил и шепелявил – впрочем, все к этому давно привыкли и сразу поняли, что «кляшавец» – значит «красавец».

Да, что и говорить: Яковлев, при всей неискренности его голоса и заученности жестов, был не просто красив – красив картинно. И понятно было, почему такой дрожью пронизан был голос Моины, когда она объяснялась в любви Фингалу:

Как часто с берегов или с высоких гор
Я в море синее мой простирала взор!
Там каждый вал вдали мне пеною своею
Казался парусом, надеждою моею.
Но, тяжко опустясь к глубокому песку,

По сердцу разливал мне мрачную тоску...

– Звезда! – пробормотал чувствительный старик Дмитриевский. – Чудо! – И утер слезу миленьки и гордости собой, ибо именно он был первооткрывателем и первым учителем этого чуда: Семенова училась в его театральной школе.

Князь Иван Алексеевич Гагарин, как и все прочие, безотрывно смотрел на сцену, и если бы кто-то наблюдал за ним в эти мгновения, он мог бы заметить, что его добродушное, красивое лицо мрачнело с каждой минутой. Нет, не в том дело, что он смотрел спектакль уже раз тридцать – на репетициях и прогонах – и ему осточертело слушать одни и те же слова, видеть одни и те же движения. И не в том дело, что его раздражала наплевательская игра красавца Яковлева. Или, к примеру, он не был согласен с Дмитриевским, что Семенова – звезда и чудо. Согласен! И еще как! Причем был согласен с той самой минуты, как увидел ее впервые! Любому мало-мальски понимающему человеку сразу становилось ясно, что она – истинная, прирожденная актриса, которая самой ходульной фразе драматурга способна придать истинное чувство и одухотворить ее, – таков был ее талант и сила ее игры. Однако... Однако в том-то и дело, что всем существом своим князь Гагарин ощущал: сейчас в словах Семеновой не было игры. Она не играла – она жила на сцене. В каждом слове ее была...

– Какая естественность! – продолжал причитать восторженный дедушка Дмитриевский. – Это истинная страсть!

Вот именно! Слово названо. Страсть...

«Да ведь она его любит! – с ужасом осознал Иван Алексеевич. – Она любит Яковлева!»

Как же он не видел прежде? Ведь это просто бьет по глазам! Между тем до сих пор князь был убежден, что Катерина относится к Яковлеву всего лишь как к товарищу, к партнеру, причем относится не слишком-то хорошо. И вдруг... она перестала таиться, она дала волю себе и своей страсти. Боже мой...

Так вот почему – а он-то не мог понять! – вот почему Катерина отвергает любовь Ивана Гагарина – отвергает с упорством, которое всем казалось поистине необъяснимым.

Да кто она такая, чтобы отвергать князя, его сиятельство, одного из богатейших людей России?! Велика птица – Катерина Семенова, актрисулька, дочь крепостных родителей, великодушно получивших вольную из рук господина своего, смоленского помещика Путятя!

То есть так значилось в бумагах, согласно которым ее, десятилетнюю девчонку, зачислили в театральную школу в Петербурге: дочка-де Семена и Дарьи, бывших дворовых людей... и так далее. На самом-то деле все обстояло не так просто.

Путятя сей нарушил однажды заповедь божию не искушать малых сил. Искусил, искусил он малую – ну, не слишком малую ростом, но еще очень молоденькую возрастом Дашутку – горничную девку собственной жены. Барыня пребывала в тягости, переносила свое положение очень тяжело, доктор грозил даже преждевременными родами, о супружеских сношениях и речи быть не могло, но Путятя, человек жизнелюбивый, страстей своих сдерживать не привык и не имел ни малой охоты приобретать такую вредную привычку на будущее. Однако жену свою он по мере сил своих любил и искушение невинной Дашутки афишировать не собирався. Увы... человек предполагает, а бог располагает. Вернее, натура. Именно натура оказалась противницей благим намерениям человеколюбивого Путятя. Проще говоря, он узнал, что ему предстоит сделаться отцом двух детей от разных матерей. Выражаясь совсем попросту, Дашутка, дура, умудрилась понести от барина и ему в сем призналась!

А тут родная жена на сносях...

Первым побуждением перепуганного Путятя, который менее всего желал бы преподнести такой подарок своей супруге, было что-нибудь с Дашуткой сделать. Утопить, что ли... Либо

отправить на конюшню, чтоб ее там в два кнута отодрали, пока не выкинет. А что? Впредь наука будет: не чреватей от господина своего! Не искушай высших сих!

Но потом Путята малость поуспокоился и решил дело сие кончить полюбовно. Он не раз замечал, что младший лакей Семен, человек добродушный и недалекий, с таким восторгом таращится на Дашутку, словно она и есть предел его лакейских мечтаний. Ну что ж, пускай же мечтания сии исполнятся.

Хозяин – барин, ну а барин, значит, хозяин, и жизни рабов его во власти его. И недели не минуло, как Семен с Дашуткой были обвенчаны. И не только обвенчаны, но и спроважены вон из поместья.

Жене, обеспокоенной исчезновением миленькой горничной, Путята сказал сущую правду: Дашутка забрюхатела. Семка-де, охальник, с Дашуткой, охальницей, доохальничались. И Путята не мог допустить, чтобы зачатое во грехе дитя оскорбляло невинный взор его добродетельной жены. А потому он дал непутевым крепостным вольную и пристроил их на службу к своему дальнему, бедному родственнику Жданову. И пошли им бог всего, чего заслуживают!

Этот Жданов Прохор Иванович, родом из поповичей, зарабатывал себе на жизнь тем, что учительствовал в кадетском корпусе. Жалованье было не бог весть какое, чтоб еще и двух слуг себе на шею повесить, однако Путята в придачу к «охальникам» прислал Жданову весьма приличные деньги. После сего Жданов начал смотреть на неожиданный подарок настолько милостиво, что даже составил Семену протекцию в кадетский корпус, куда его взяли истопником. Дашутке Жданов позволил сделаться прислугой в своем доме, а потом, когда родилась девочка, стал крестным отцом Катерины Семеновны Семеновой.

Дашутка не была слишком уж обременена работой: домик Жданова (материнское наследство) оказался малехонький. Мужу Семену там и вовсе места не нашлось, но не только из-за тесноты: истопник имел казенную каморку под лестницей в здании кадетского корпуса и должен был находиться при своем месте неотлучно. А летом, когда корпус закрывали на вакации, Семен превращался в сторожа и тоже не мог покинуть свой пост.

К тому времени Семен убедился, что мечтать о женщине – это одно, а иметь ее при себе неотлучно – совсем другое. Да еще такую веселую шалаву, как его Дашутка. Поэтому он несколько не тяготился сложившимся положением дел. Вообще он ко многому относился с философическим спокойствием: например, к тому, что спустя год после Катерины у Дарьи родилась еще одна девочка, которую, по воле просвещенного учителя Жданова, большого поклонника муз, назвали Нимфодорою. Фамилию, впрочем, и ей дали сестрину, как и отчество: Нимфодора Семеновна Семенова. Что характерно, и это Семен воспринял смиренно, не ропща... Даром что к рождению (вернее, зачатию) Нимфодоры он не имел никакого отношения.

Когда Катерине исполнилось десять, стараниями Жданова она была определена в театральное училище (куда через два года пристроят и Нимфодору), пройдя врачебный осмотр и «прелестно, прелестно!» сдав экзамен по танцеванию.

Надо сказать, что прежде обучение юных актеров велось прямо при театре, а жить они жили где придется: либо дома, либо ютились у чужих, снимая комнатки или даже углы (дело в ту пору вполне обыкновенное). Однако в 1792 году в дирекцию театров обратились супруги Казасси, некогда явившиеся в Россию с итальянской труппой, и предложили устроить настоящее театральное училище – как в Европах заведено. Дирекция будет выдавать надзирательнице (эту должность должна была исправлять Марья Францевна Казасси, основательница и душа предприятия) по 132 рубля в год на содержание каждого ученика, а Марья Францевна обязывалась их кормить-поить-одевать-обувать и спать укладывать в соответствии с сими средствами. Заодно к прожекту Марья Францевна, дама деловая, приложила и программу занятий, и смету оплаты трудов учителей, нужных для подготовки будущих актеров, и списки вещей, которые понадобятся ученикам.

Расходный план был утвержден, и после некоторых переездов театральная школа обосновалась в крыле Большого Каменного театра.

Здание сие было щедро населено статуями греческих и римских богов (например, у самого входа восседала величавая Минерва, в образе которой была запечатлена Екатерина II), и под их недреманным оком проходило обучение будущих актеров основам ремесла и вступление их в область служенья музам. Девятнадцать воспитанников самого разного возраста, от десяти до семнадцати лет, одетые в казенное платье (холщовое белье, миткалевое платьице либо сюртучок с панталонами, нитяные чулки и грубые башмаки) с нашитыми на него номерками, поднявшись ни свет ни заря и наскоро перекусив кружкой сбитня с куском хлеба, весь день обучались этому самому служению на уроках русского и французского языков, танцев, музыки или актерского искусства. Кроме того, при школе были мастерские для обучения ремеслам, а девиц непременно учили шитью, вышиванию, основам куаферского искусства и деланию цветов. Штука в том, что театр обязывался обеспечить работой всех выпускников, даже самых безнадежных, и вот за их-то счет пополнялись ряды рабочих сцены, портних, парикмахеров, костюмеров, гримеров и прочей театральной obsługi.

Директором школы в это время уже был Иван Афанасьевич Дмитриевский, но он с облегчением свалил на Марию Францевну все хозяйственные заботы, а сам был сугубо озабочен сценой и занятиями с учениками. Довольный стараниями знаменитого балетмейстера Вальберха (кстати, выпускника этой же школы), который вел танцевание, Дмитриевский беспрестанно свáрился с титулярным советником Назарьевым, который весьма малое внимание уделял обучению родному языку. Дмитриевский справедливо талдычил ученикам:

– Пиесу вам кто прочтет, ежели сами не сможете? Кто за вас роль выучит? Неужто на суфлера надеяться? Позорище! – И прибавлял нарочно для учениц: – А вам, барышни, вдвойне, тройне тужиться на уроках надобно. Как сделаетесь первыми актерками, владычицами сердец, как станут вам кавалеры любовные записочки слать, – а вы что? Ни прочесть, ни ответа написать? Неужто и здесь на суфлера надежа? А он-то ваши секреты языком всему свету – ляля-ля! То-то дурная слава и полетит, крылышками трепеща!

При этом Дмитриевский показывал, как суфлер будет «языком ля-ля-ля», а потом как полетит, «крылышками трепеща», дурная слава. И всё, более слов не требовалось: даже до самых ленивых доходила необходимость изучения грамматики.

Впрочем, от всех занятий любой воспитанник (как мужеска полу, так и женска) в любое время мог быть отвлечен в театр, которому постоянно требовались для спектаклей статисты и фигуранты. Особым спросом пользовались те, кто преизрядно постигнул основы танцевального искусства, а потому все учащиеся, едва пробудившись, в семь утра, еще до завтрака, непременно бежали в холодный балетный класс «к палке» и проделывали штудии: батманы, жэтэ, плие, ронд-жамбы и прочие штуки, служившие основанием дальнейших хитростей танцевального искусства.

В этом классе у воспитанницы Семеновой были свои трудности. Иван Иванович Вальберх и другой танцовщик, Гульгермини, видели в ней зачатки блистательного таланта и требовали, чтобы Катерина всецело отдалась Терпсихоре¹. Василий же Федотович Рыкалов, который преподавал начальные правила «акции», то есть актерской игры, со всеми приемами высокого актерского мастерства, на вдохе и выдохе, обильно приправляя речь жестами и выразительными телодвижениями, клялся и божился, что воспитанница Семенова рождена для служения Мельпомене или Талии², и ежели она не принесет себя в жертву этим видам искусства, то лучше бы ей не родиться на свет.

¹ Муза танцев в греческой мифологии.

² Музы трагедии и комедии.

Кстати, актер Шушерин, через несколько лет рассказывая о Семеновой писателю С.Т. Аксакову, который был очень высокого мнения об этой актрисе, говорил: «Ты не можешь судить о ней, не видевши ее в тех ролях, которые она игрывала в школе. Ее надобно видеть в «Примирении двух братьев» или «Корсиканце» Коцебу... Стоя на коленях надо было смотреть ее в этих ролях!»

То есть уже тогда было ясно, что прав, конечно, Рыкалов, однако меж ним и Вальберхом доходило до откровенных скандалов из-за будущности Катеньки Семеновой. Господа учителя бранились громогласно на потеху воспитанникам и призывали Дмитриевского в качестве третейского судьи. Иван Афанасьевич немедля пытался свести дело к шутке и начинал изображать Париса, пришедшего разрешить известный спор богинь. Правда, из-за золотого яблока тягались три небожительницы, а из-за Семеновой – только два учителя. Третий, преподаватель музыки Кавос, знаменитый композитор и автор музыки ко многим спектаклям, которые ставились в Большом Каменном театре, в спорах из-за Катерины не участвовал. У нее был милый маленький голосок, который давал ей возможность очень недурно исполнять партию Дианы в опере Мартини «Дианино древо», Милолики в комической опере «Князь-невидимка», сочиненной Кавосом, или Милославы в «Русалке» Кауэра. Однако Эвтерпа³ вполне обошлась бы без Семеновой-старшей в качестве служительницы. Зато Семенову-меньшую, очаровательную Нимфодору, Кавос сделал отличной исполнительницей оперно-водевильных партий. И никто из-за нее копий не ломал.

В конце концов в споре между Терпсихорой и Мельпоменой победила муза с трагической маской и венком из плюща. Потому что Дмитриевский с самого начала был убежден: место Катерины Семеновой – именно в трагедии.

³ Муза, которая сопровождает лирическую песнь игрой на флейте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.